

Старуха Лу не питала особой симпатии к этой снохе, но её старик дорожил мнением окружающих, а родным братьям негоже разрывать связи. Поэтому она лишь натянуто улыбнулась уголками губ, прислонившись к дверному косяку:

— Пришла? Дома-то все дела переделала?

Небо, затянутое тяжёлыми тучами, моросило дождём, и сумерки сгущались раньше обычного. По обычаям деревни, пока совсем не стемнело, следовало поскорее приготовить еду и поужинать — в такое время никто без дела не шлся.

— Управилась, сноха. А где жена вашего пятого? Слышала, девка видная, за ней глаз да глаз нужен, а то ведь...

Четвёртая невестка Лу видела, что хозяйка перегородила собой почти весь проход и вовсе не собирается приглашать её внутрь, а в самой горнице было темно и пусто. Поняв, что посидеть не удастся, она просто осталась стоять под зонтом.

Юнь Чэ, только что внесший ведро с холодной водой к плите, безмолвно закатил глаза. Стоило только переступить порог, как тут же пошли разговоры о том, что его украли, а теперь ещё и боятся, что он сбежит. В этой горной деревне, где льёт дождь, он и дороги-то не знает, да и прежний хозяин тела вряд ли смог бы удрать, даже если бы ориентировался в лесах.

Впрочем, спорить с четвёртой тёткой Юнь Чэ не хотелось — слишком уж утомительно было надирать горло, притворяясь женщиной.

Огонь в печи зависел от того, что в неё бросали. Поскольку нужно было готовить дичь, привезённую извне, девчонка, стоявшая у плиты, подкинула дров, и пламя разгорелось не на шутку. Холодная вода, которую только что залили, быстро задымилась.

Лу Хуэй, лепившая у разделочного стола паровые хлебцы, прислушивалась к вялой перепалке взрослых. Она ловко скатывала тесто: в кукурузную муку добавили пшеничной, поэтому масса была послушной и не рассыпалась, как чистая кукуруза. Только благодаря этому ей и доверили работу — будь это обычная кукурузная мука, её бы и близко не подпустили, боясь перевести продукты.

Юнь Чэ увидел, как она осторожно несет крышку, сплетенную из стеблей сорго, и, отжав намокшую тряпицу, накрыл ею котел. К счастью, он смотрел обучающие ролики о том, как готовить на пару, иначе позволил бы Лу Хуэй положить хлебцы прямо на бамбуковую решетку, за что та наверняка получила бы нагоняй. Правда, сама тряпка была старой, тёмной, и сколько бы Юнь Чэ её ни стирал, она всё равно выглядела грязноватой, но выбирать не приходилось.

Лу Хуэй аккуратно выложила слепленные хлебцы в котел, выстроив их ровными рядами, и наконец выдохнула. Зерно ценилось на вес золота, и девчонкам не позволяли прикасаться к готовке. Только из-за того, что она подросла и скоро ей предстояло идти в дом жениха, ей разрешили попрактиковаться, чтобы не ударить в грязь лицом.

Пока они вдвоём обустроивали котел, снаружи четвёртая тётка всё продолжала болтать под дождём:

— ...Сколько столов планируете ставить? Скажите, когда, я заранее приду помочь, всё-таки дело семейное...

— Не нужно, не нужно, столов-то немного будет, мы и сами справимся, — старуха Лу упорно отказывалась, совсем не желая иметь дел с этой снохой. Если та приведёт свою невестку помогать, то половина мяса исчезнет со стола ещё до начала банкета. — У тебя дома дел полно, вон, третья сноха только родила, а у меня пятая только в дом вошла, мне даже некогда к ней заглянуть.

Услышав, что старуха Лу собирается наложить друг на друга два радостных события, четвёртая невестка на мгновение застыла, но тут же снова расплылась в улыбке:

— Ой, да домашние дела никуда не денутся, успеется. Раз уж она в доме, то спешить некуда. Мы вот не смогли помочь, когда вашу пятую забирали, так хоть на банкете послушим, а то стыдно в глаза людям смотреть.

Старуха Лу с раздражением выдавила фальшивую улыбку, собираясь снова отказаться, но со стороны заднего двора послышался голос старика Лу:

— На восьмое число назначим. Приходите с мужем заранее, поможете.

Как только глава семьи сказал своё слово, четвёртая невестка просияла, закивала и, не обращая внимания на недовольное лицо старухи Лу, поспешила прочь. Она боялась, что если замешкается, то хозяйка передумает и выставит её вон.

Но даже после этого старик Лу, медленно вышедший с заднего двора, удостоился от жены тяжёлого, пронзительного взгляда.

— Чего ты с ней споришь? Эта парочка бесстыжая, проще было пообещать, а потом всё провести заранее. Иначе она так и будет стоять над душой, пока ты есть не перестанешь, — негромко пояснил старик, от которого веяло сыростью, и это немного остудило гнев супруги.

— Сами уже бабушка с дедушкой, а стыда ни капли. Только порог переступила, а уже сплетничает, то про пятую, то ещё про что... — ворчала старуха Лу, а обернувшись к плите, вдруг ахнула: — Ой! Ты зачем столько масла вылил?! Жить больше не на что?!

Юнь Чэ от неожиданности вздрогнул и чуть не уронил маслёнку прямо в котел.